

Научная статья

УДК 908

doi: 10.17223/19988613/99/11

Специфика визуальной сатиры кризисных периодов: перестроечный прецедент (по материалам сатирических периодических изданий)

Илья Денисович Филонов

Томский государственный университет, Томск, Россия, filonov_ilya@vk.com

Аннотация. На основе материалов российских сатирических изданий за 1964–1982 и 1985–1991 гг. реконструируется специфика сатирической периодики кризисного этапа перестройки. По ходу исследования анализу подвергаются иллюстративные материалы и текстовые пояснения к ним. Автор проводит контент-анализ и типизацию сатирических образов периодов застоя и перестройки. На основании анализа составлены матрицы данных, отражающие динамику тиражирования визуальных образов в периоды стабильности и социальной неустойчивости. Делается вывод об обширном характере перемен, произошедших в визуальном языке и динамике тиражирования образов к концу существования СССР.

Ключевые слова: периодическая печать, перестройка, сатира, карикатуры, визуальный образ

Для цитирования: Филонов И.Д. Специфика визуальной сатиры кризисных периодов: перестроечный прецедент (по материалам сатирических периодических изданий) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 101–109. doi: 10.17223/19988613/99/11

Original article

The specifics of visual satire in crisis periods: the Perestroika precedent (based on materials from satirical periodicals)

Ilya D. Filonov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, filonov_ilya@vk.com

Abstract. The article examines how the visual language and thematic repertoire of Soviet satirical periodicals transformed during Perestroika (1985–1991) compared to the preceding "stagnation" period (1964–1985). Based on a full-sample content analysis of all issues of the all-Union magazine *Krokodil* and its Ukrainian republican analogue *Perets'* in selected benchmark years (for stagnation: 1964, 1974, 1984; for Perestroika: 1985, 1989, 1991), the study reconstructs the dynamics of image categories and their circulation frequencies, correlating them with shifts in censorship, editorial policy, and broader socio-cultural change.

Methodologically, the research combines content, discourse, and intent analysis with historical-genetic and structural approaches. Visual data include all cartoons and drawings (with captions) in the issues, excluding advertising. The author operationalizes recurrent visual categories – both positive and negative – and tracks their prevalence across periods. Findings show that, under tighter censorship in the stagnation era, satire largely targeted "safe" themes: universal moral failings, domestic shortcomings, and "excesses at the local level", while systemic critique was displaced onto anonymous bureaucratic figures. Positive socialist images were systematically paired with negative, moralizing countertypes, maintaining an educative, agitational function. With Perestroika's progressive relaxation of control, the repertoire and tone change markedly. Positive socialist images sharply decline and virtually disappear by 1991, while anti-capitalist propaganda collapses. New crisis-specific categories emerge and intensify: prostitution and sexualized "depravity", shortages and low living standards, environmental degradation, banditry. The once-stigmatized image of "pro-Western youth" becomes more neutral, reflecting a broader desanctification of prior symbolic binaries. Visual language grows more direct and increasingly sexualized, and critique shifts from local misdeeds to the systemic failures of socialism and the Soviet state itself. The study concludes that late-Soviet satirical periodicals leveraged loosening censorship amid deepening societal crisis to reorient from an educative-agitational mission to entertainment-centric content. The collapse of affirmative imagery, the rise of crisis-centric negatives, and the recalibration of prior stereotypes indicate a profound reconfiguration of public discourse and civic identity at the end of the USSR. The author suggests these patterns may be cautiously extrapolated to other crisis epochs, pending further comparative research.

Keywords: periodical printing, Perestroika, satire, caricatures, visual image

For citation: Filonov, I.D. (2026) The specifics of visual satire in crisis periods: the Perestroika precedent (based on materials from satirical periodicals). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 101–109. doi: 10.17223/19988613/99/11

Введение

Политика перестройки, инициированная М.С. Горбачевым, сопровождалась демократизацией и гласностью. Начавшиеся в связи с этим общественные дискуссии затронули и сатирическую периодику, которая подсвечивала наиболее заметные социальные явления и процессы, доводя их до гротеска. Визуальный язык сатирических периодических изданий, а также темы, которых касались художники-карикатуристы и редакторы сатирических журналов, претерпевали в связи с ослаблением цензурных ограничений и государственного контроля серьезные изменения. Настоящая работа исследует перемены в дискурсе сатирических периодических изданий, вызванные политикой перестройки. В работе сравниваются перестроечные визуальные образы и частота их тиражирования с образами и частотой тиражирования визуальных образов предшествующего периода застоя.

Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью специфики визуальной сатиры перестройки. Отсутствуют и исследования, которые сравнивали бы визуально-графический язык и сатирический дискурс периода перестройки с сатирой предшествующей эпохи.

Сравнение практик сатирического отражения реальности при помощи графики в период перестройки с практиками более ранних этапов развития сатирической периодики поможет выявить ключевые аспекты становления идентичности советских граждан в кризисную эпоху. Сатира в периодических изданиях, создаваемая как профессиональными художниками-карикатуристами, так и самими читателями, во всей своей совокупности отражала общественные представления, настроения и стереотипы. Кризисная эпоха, имевшая заметное влияние на текущую повестку, давала материал для периодических изданий всех типов и оказывала влияние на формирование новых социальных представлений кризисного времени.

Историография по теме представлена работами дореволюционных, советских и современных исследователей и разделена на две части – историографию по теме периодики (в том числе сатирической) и историографию кризисных ментальностей.

В числе авторов по теме периодической печати – А.Н. Шлосберг [1], С.И. Стыкалин [2], Л.Ф. Ершов [3], Б.Е. Ефимов [4], А.Л. Мишуриц [5], И.В. Турицын [6], Р.А. Иванова [7], С.С. Матвиенко [8]. Современные научные работы представлены многочисленными постсоветскими исследованиями и статьями различных авторов [9–20]. Выделяется единственный сборник статей по смежной теме «Фантастика и сатира в литературе славянских народов» [21]. Некоторые работы посвящены современным сатирическим интернет-СМИ [22–24]. Среди авторов по теме есть и представители стран ближнего зарубежья [25].

В качестве исследователей кризисных ментальностей периода перестройки выделяются А.В. Юрчак [26], описавший ментальность и бытовые практики граждан позднего СССР, Ю.А. Левада [27], Б.А. Грушин [28] и Т.И. Заславская [29], исследовавшие изменение обще-

ственные настроения и ценности граждан позднего СССР с помощью социологического инструментария.

Цель исследования – выявление маркеров кризисной эпохи в сатирической периодической печати периода перестройки.

Методологической базой настоящего исследования являются методы контент-анализа, дискурс-анализа, интен-анализа, историко-генетический метод и структурный анализ. Контент-анализ – ключевой метод исследования. Он был использован при составлении матриц данных по динамике тиражирования тематических визуальных образов в разные докризисные и кризисные годы. Дискурс-анализ использовался при изучении сатирической периодической печати как системы способов отражения действительности посредством доведения ее до гротеска. Интен-анализ применялся для выявления внутреннего содержания образов и внутренних причин его тиражирования в сатирической периодике. Историко-генетический метод применялся при реконструкции динамики и специфики тиражирования визуальных образов в кризисных условиях, а также накануне перестройки. Структурный анализ использовался при анализе места и роли сатирических визуальных образов в структуре общественно-политических нарративов, господствовавших в рассмотренную эпоху.

Анализ источников носил фронтальный характер: за учтенные в работе периоды был изучен каждый доступный выпуск сатирических изданий, принятых к рассмотрению в исследовании. Анализу была подвергнута вся визуальная информация, содержащаяся в выпусках журналов (кроме раздела с рекламой): карикатуры с подписями к ним, зарисовки, рисунки всех размеров.

Хронологические рамки исследования затрагивают период перестройки (1985–1991), а также предшествовавший период застоя (1964–1985). Дополнительно привлечены материалы сатирической периодической печати 1905–1914 гг.

Выбор застойных лет обусловлен необходимостью сравнения печати кризисного периода с периодикой «стабильной» эпохи правления Л.И. Брежнева. Такое сравнение позволяет, с одной стороны, подтвердить принадлежность отдельных визуальных образов именно к кризисной ментальности, а с другой – избежать ошибочной атрибуции тех мотивов, которые тиражировались в разные эпохи, как симптомов кризисного общественного сознания.

В качестве *источников* были использованы материалы общесоюзного издания «Крокодил» и его украинского республиканского аналога «Перець» для периодов застоя и перестройки. Эти издания были использованы в рамках контент-анализа. Разбору подверглись все номера изданий за указанные годы. Для журнала «Перець» – по 24 номера в 1964, 1974, 1984, 1985, 1989 гг. и 20 номеров в 1991 г. Для издания «Крокодил» – 36 выпусков в год для всех периодов. При составлении матриц данных для этих журналов были выделены категории образов, встречающиеся на карикатурах и иллюстрациях. Отдельные категории (например, алкоголизм) совпадали для обоих изданий. Некоторые были специфичны лишь для одного из проанализированных журналов. Ряд принятых к анализу

категорий отличается для периодов застоя и перестройки, что объясняется разницей в дискурсе этих эпох.

Контент-анализ визуальных образов и визуальный язык

Применение контент-анализа позволяет выявить основные тиражируемые категории образов за докризисный период застоя и кризисный этап перестройки.

Контент-анализ по периоду застоя охватил три контрольных года: начала, середины и конца этого исторического этапа – 1964, 1974 и 1984 соответственно.

Застойная сатирическая периодика была подвержена значительным цензурным ограничениям, что являлось причиной тиражирования визуальных образов, критикующих частные проблемы быта, общечеловеческие пороки, а также высмеивающих отдельные «пере-

гибы на местах». Основными категориями визуальных образов в этот период выступали проявления частных недостатков общества (алкоголизм, воровство, лень и неправильное воспитание подрастающего поколения) и непорядочность частных исполнителей на местах. Критика затрагивала общечеловеческие недостатки (табл. 1).

Такой подход допускал обличение власти и системы, однако это осуществлялось путем переключивания ответственности на отдельных недобросовестных представителей номенклатуры. Наиболее часто в сатирической периодике разных лет тиражируется негативная категория излишней бюрократизированности и неэффективности государственной системы. В разные годы данная категория указывает на различающиеся негативные факторы, делающие советский аппарат управления менее эффективным. (рис. 1, 2).

Таблица 1

Динамика тиражируемости визуальных категорий в сатирических изданиях периода застоя

Категории (позитивные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1964	1974	1984	1964	1974	1984
Социалистическая молодежь	26	19	12	8	26	10
Социалистический пролетариат	14	12	3	14	14	13
Иные положительные образы	7	5	5	5	3	–
Категории (негативные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1964	1974	1984	1964	1974	1984
Прозападная молодежь	5	29	35	6	30	48
Леность и тунеядство	32	43	53	26	28	30
Алкоголизм	7	28	34	35	48	32
Некорректные семейные отношения / неправильное воспитание детей	27	12	10	–	22	9
Бюрократизированность и неэффективность советского аппарата управления	43	22	29	48	30	29
Ложная отчетность	7	19	5	14	15	13
Воровство	14	19	19	11	11	12
Бракодельство / недобросовестное исполнение трудовых обязанностей	31	36	29	32	34	32
Антикапиталистическая пропаганда	84	98	113	46	31	37

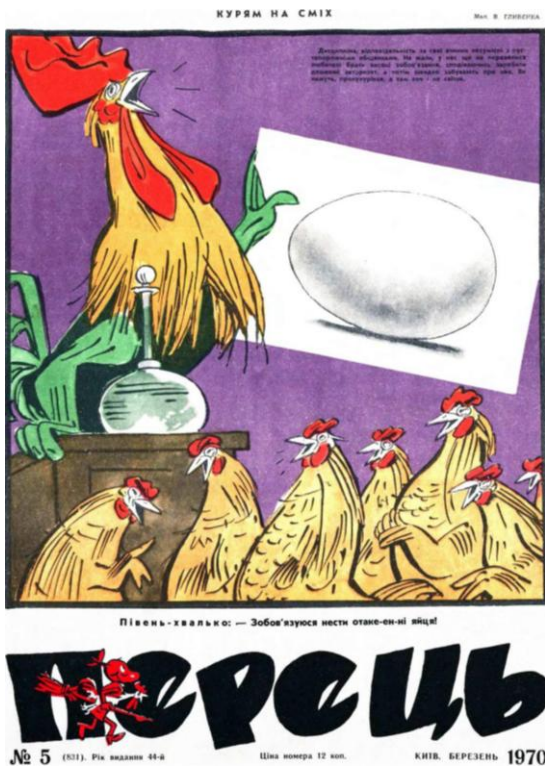

Рис. 1. Глибенко В. Курам на смех [на укр. яз.] // Перец. 1970. № 5. С. 1

НА СТАРОЙ ДОЛЖНОСТИ НАШКОДИТ И ДОЛЖНОСТЬ НОВУЮ НАХОДИТ.

Рис. 2. Ефимов Б. Жук номенклатурный // Крокодил. 1974. № 9. С. 9

В период застоя в рамках тиражирования указанной визуальной категории осуществлялась критика частных недостатков системы государственного управления и отдельных составляющих ее людей. Критике подвергались как частные исполнители и единичные «перегибы на местах», так и неповоротливость всей системы советской бюрократии. Причину последнего, однако, художники-кариатуристы видели в неэффективности отдельных представителей номенклатуры, на что указывает обращение сатиры исключительно к анонимному образу бюрократа. Для перестройки характерна схожая тенденция в развитии образа бюрократов. Изменения затронули частоту тиражирования данного образа, которая снижается до нулевых значений к концу 1980-х.

Совокупно с категорией излишней бюрократизированности советского аппарата управления использовалась категория, отражающая проблему ложной отчетности, подаваемой нижестоящими представителями номенклатуры. Данный образ подтверждает тезис о том, что критика советской системы управления осуществлялась в строго разрешенных рамках обличения отдельных, как правило, мелких представителей бюрократического аппарата. В последующем, в перестройку, тиражируемость этой категории снизится до минимальных значений.

В похожем ключе использовалась и категория воровства. В ее рамках карикатуристы изображали отдельных представителей рабочего класса, обворовывающих место своей работы («несуны»), а также иных людей, покушающихся на государственное имущество (рис. 3).

— У ідеальні холодильник погано працює, так я продукти додому взяла, щоб не зіпсувалися...

Рис. 3. Солонько В. «В кафе холодильник плохо работает, так я продукты домой взяла, чтобы не испортились...» [на укр. яз.] // Перець. 1988. № 4. С. 7

В обоих журналах заметной и частой категорией периода застоя была антикапиталистическая пропаганда. Динамика ее тиражируемости в 1964–1984 гг. была значительно выше, чем в перестройку. В начале перестройки данная категория тиражировалась в конце большей части выпусков, тогда как в последующие годы тиражируемость категории значительно снизилась. Данный образ использовался для гротескного осмысления международных событий как в контексте актуальной повестки, так и независимо от нее (рис. 4).

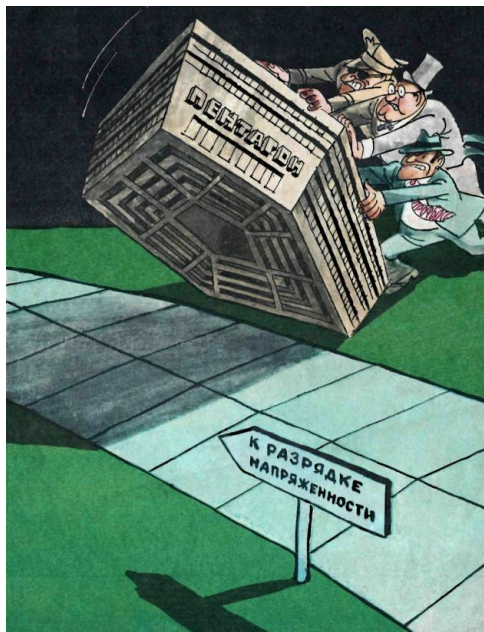

Рис. 4. Черепанов Ю. Камень преткновения // Крокодил. 1975. № 33. С. 16

Динамика тиражирования образов социалистической молодежи и пролетариата, а также образов, отражающих общественные проблемы, свидетельствует о противоположении в советской сатирической печати положительных социалистических образов негативным, которые отражают общественные пороки. В журнале «Перець» содержится ряд иллюстраций за годы застоя, на которых одновременно изображены положительные социалистические персонажи (трудящийся, спортсмен) и представители маргинальных групп населения (рис. 5).

Мал. К. ЗАРУБИ

— Подумаєш, два по сто. Ми он три по двісті дали!

Рис. 5. Заруби К. «Подумаешь, два по сто. Мы вон три по двести дали!» [на укр. яз.] // Перець. 1964. № 3. С. 9

Тема противопоставления положительных социалистических образов негативным образам, отражающим пороки общества, сохраняется в сатирических изданиях до наступления кризисной эпохи перестройки. Об этом свидетельствует соответствующая динамика тиражирования образов: в период застоя и в начале перестройки сохраняется тенденция на заметное количество положительных социалистических образов, а также негативных образов общечеловеческих пороков. По

мере развития перестройки и ослабления цензурных правил такая тенденция в динамике тиражирования образов спадает и начинает наблюдаться иной тренд, при котором положительные образы практически исчезают, а негативные меняют свою направленность с критики общечеловеческих пороков на критику принятого вектора развития общества.

Такие тенденции были характерны как для периода застоя, так и для первых лет перестройки. Дальнейшая динамика тиражирования образов в сатирической периодике перестроечного времени свидетельствует о про-

исходящих изменениях, поскольку в перестроечных изданиях значительно снижается динамика тиражирования положительных образов. Актуальные в застойной сатире темы недобросовестности отдельных членов общества и их недостаточное соответствие идеалам социализма, а также противопоставление негативных образов позитивным сменяется в перестройку на тиражирование исключительно негативных образов, отражающих глубокий кризис культуры (образ проститутки) и экономики (категория образов, отражающая дефицит) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика тиражируемости визуальных категорий в сатирических изданиях периода перестройки

Категории (позитивные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1985	1989	1991	1985	1989	1991
Социалистическая молодежь, пролетариат	23	3	–	24	4	–
Демократизация общества, представители гражданского общества	–	–	1	1	6	–
Категории (негативные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1985	1989	1991	1985	1989	1991
Прозападная молодежь	15	12	5	28	8	11
Развращенность, проституция	–	32	49	2	15	31
Леность и тунеядство	10	1	1	21	2	3
Алкоголизм	7	5	3	15	6	1
Проблема экологии	3	1	2	3	16	3
Дефицит	4	9	24	4	19	12
Низкий уровень жизни	–	9	17	2	11	5
Бандитизм	–	10	5	–	7	5
Бюрократизированность и неэффективность советского аппарата управления	4	17	–	4	16	7
Ложная отчетность	4	5	–	4	4	–
Воровство	2	4	3	7	–	1
Бракодельство / недобросовестное исполнение трудовых обязанностей	31	36	29	32	34	32
Антикапиталистическая пропаганда	39	2	–	–	–	–

При составлении контент-аналитической матрицы за кризисные перестроечные годы было использовано три ключевых года, отражающих ситуацию на момент начала, середины и конца перестройки. 1989 год был принят в текущем исследовании как условная срединная дата, когда процессы, начатые в начале перестройки, достигли своего апогея. Так, основные изменения в политической системе были закреплены в 1989 г. через выборы на Съезд народных депутатов СССР, которые стали важным шагом к демократизации. В 1989 г. проявились первые серьезные признаки политической дестабилизации СССР. Начавшийся в 1988 г. с Эстонии парад суверенитетов охватил к 1989 г. Литву, Латвию, Азербайджан. 1989 год стал знаменательным и на международной арене. Падение берлинской стены в Германии в ноябре произошло на фоне ослабления советского влияния в Восточной Европе. Это стало символом окончания «холодной войны».

В контент-аналитическую матрицу перестройки не включен ряд категорий из подобной матрицы застойных лет по причине низкого уровня тиражируемости этих категорий в условиях перестроечной сатирической печати. Данная условность имеет и обратный характер по отношению к категориям эпохи застоя: отдельные перестроечные категории не представлены в контент-аналитической матрице эпохи застоя по причине их стремящейся к нулю или нулевой тиражируемости.

Проведенный анализ сатиры за годы перестройки демонстрирует значительный спад цензурных ограничений по мере углубления перестройки. Влияние цен-

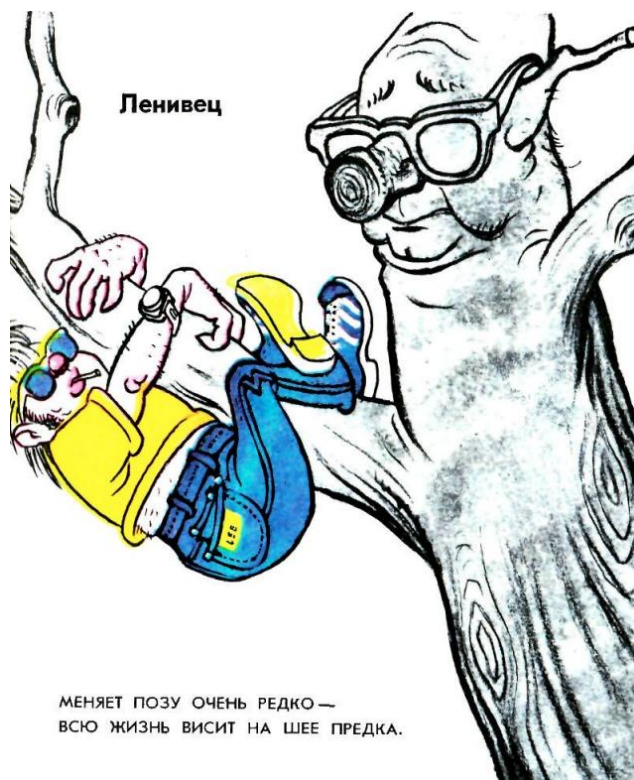
зуры на редакционную политику изданий в годы перестройки было определено деятельностью Главлита – главного цензурного ведомства по делам печати. Формальным рубежом для прекращения существования советской цензуры и ограничения деятельности Главлита стал закон о печати от 1990 г. [30], который отменил любую цензуру и закрепил свободу печати. Несмотря на этот нормативно-правовой акт, еще до принятия нового закона о печати существовали факторы, ограничивающие цензуру. Провозглашение в 1986 г. политики гласности и перестройка идеологической деятельности привели к замешательству исполнителей идеологической работы на местах [31], что фактически означало ослабление контроля над печатью.

Рис. 6. Герасимчук С. «Рад бы на демонстрацию, да только грехи не пускают...» [на укр. яз.] // Перець. 1973. № 8. С. 2

В начале политики перестройки обращает на себя внимание использование художниками-карикуристами преимущественно образов предшествовавшей эпохи застоя. Акцент в сатире ранних перестроечных лет был сделан на критике отдельных пороков общества (алкоголизм, воровство, поклонение молодежи западному образу жизни) и вредительства мелких исполнителей на местах (рис. 6).

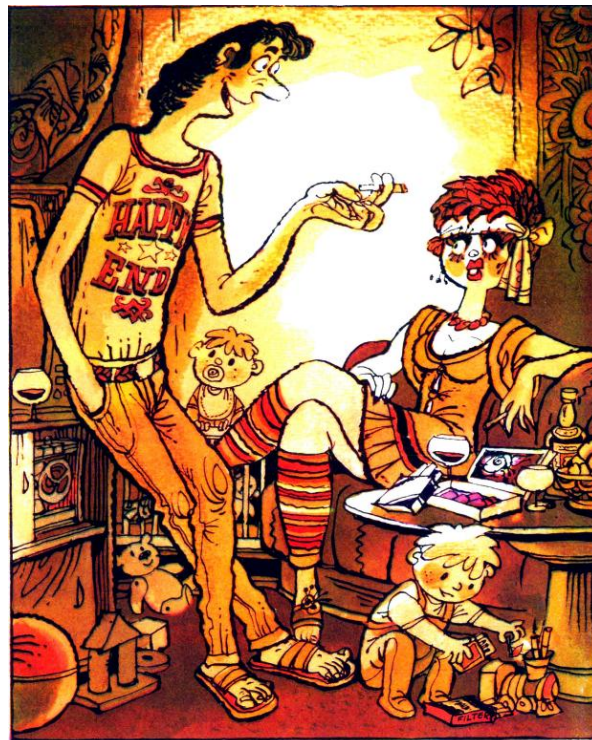
Образ прозападной молодежи возникает в период застоя и в начале перестройки является одним из наиболее популярных образов молодого поколения. В рамках данной категории молодых людей изображали в пестрой «модной» одежде разных несочетающихся цветов: брюки клеш, джинсы, фирменная одежда от популярных брендов (главным образом Adidas). Молодых людей в таком образе показывали неуклюжими, неопрятными, с броскими, необычными прическами. Его чаще всего сочетали с представлением о молодежи как о тунеядцах. Прозападных молодых людей изображали в ситуациях, подчеркивающих их неготовность к самостоятельной взрослой жизни из-за нежелания интересоваться чем-либо, кроме отдыха и развлечений. Дополняют образ прозападной молодежи курение и алкоголизм. Тиражируемость образа, несмотря на эпизодические спады, являлась стабильной на протяжении всего периода застоя и в перестройку. Незначительно изменяемая частота использования образа на фоне снижения тиражируемости положительных образов к концу перестройки указывает на формирование кризисной общественной ментальности, в рамках которой не намечалось заметных положительных образов, тогда как использование отрицательных образов расширилось количественно и качественно (рис. 7).

МЕНЯЕТ ПОЗУ ОЧЕНЬ РЕДКО —
ВСЮ ЖИЗНЬ ВИСИТ НА ШЕЕ ПРЕДКА.

Рис. 7. Ефимов Б. Меняет позу очень редко — всю жизнь висит на шее предка // Крокодил. 1973. № 24. С. 9

Отдельно выделяется образ, показывающий неблагополучные семейные отношения. Он нередко сочетался с образом прозападной молодежи. В его рамках высмеивались нежелание и неспособность родителей корректно воспитывать детей, а также уклонение от исполнения семейных и родительских обязанностей (рис. 8).

— Після розлучення поділилися порівну: одну дитину твоїм батькам, іншу — моїм...

Рис. 8. Ширяев В. «После развода поделимся поровну: одного ребенка твоим родителям, другого — моим...» [на укр. яз.] // Перець. 1986. № 7. С. 5

По мере углубления перестройки и ослабления цензурных ограничений все больше внимания в сатире стало уделяться тематике тех проблем, существование которых ранее сатирическая печать обходила стороной (объясняется рост популярности отдельных образов и тем, что возрастает актуальность ряда проблем). Такими, например, стали проблемы проституции и дефицита. Несмотря на их особую остроту именно в годы перестройки, данные проблемы наметились еще в период позднего застоя [32, 33], что, однако, сатирическая периодическая печать упускала из своего дискурса по причине сохранения цензурных ограничений накануне и в начале перестройки. В ряду новых, ранее не тиражируемых по причине цензурных ограничений и незначительной актуальности категорий кризисных образов встречаются образ, отражающий проблему распутства молодого поколения и проституции, образы, отражающие проблемы дефицита, экологического загрязнения и бандитизма (рис. 9).

Визуальный язык позднеперестроечной сатиры также претерпевает изменения. Повышается степень сексуализированности визуального языка. Отдельные негативные визуальные образы смягчаются. Ранее отрицательный образ прозападной молодежи начинает использоваться за пределами рамок негативного. Мо-

лодежь в западной одежде начинает восприниматься сатирой в нейтральном ключе, в отрыве от дополняющих образов тунеядцев и алкоголиков.

Рис. 9. Луговкин В. «Вам противен, очень противен запах колбасы!!!» // Крокодил. 1990. № 30. С. 7

Рис. 10. Спасский С. Развитой социализм // Крокодил. 1991. № 32. С. 3

Обращает на себя внимание также и то, что к концу перестройки почти полностью прекращаются положительные образы, а бывший образ социалистических молодых людей и рабочих заменяется на

эпизодически возникающий образ демократически настроенных представителей гражданского общества.

Ослабление цензуры в перестройку не способствовало, однако, одновременному прекращению тиражирования привычных для периода застоя категорий. Большая часть категорий продолжала тиражироваться с использованием все тех же визуального языка и тем, но уже в меньшем количестве (например, категория излишней бюрократизированности).

Накануне распада СССР в сатирических изданиях стали печатать отдельные иллюстрации с призывами к сохранению государственного единства, однако эта категория не была многочисленной и затмевалась образами, выставившими советское государство в негативном свете. Визуальный язык позднеперестроечной сатиры уже открыто указывал на критические проблемы во всей социалистической системе и избегал критики частных исполнителей и «перегибов на местах» (рис. 10).

Заключение

В результате исследования были выявлены закономерности в визуальном языке и частоте тиражирования образов, характерные для рассматриваемой кризисной эпохи. На примере динамики тиражирования образов можно утверждать, что перестроечные сатирические издания пользовались ослаблением цензурных ограничений на фоне углубляющегося кризиса советской государственности для смены своей дискурсивной направленности с агитационно-воспитательной на развлекательную. На это указывает и то, что издания перестают подвергаться критике частный негатив. Наблюдается излишняя сексуализация визуального языка, а также прекращение тиражирования положительных образов и противопоставления позитивным образам негативных. Перечисленные факторы могут дополнительно свидетельствовать в пользу версии о спаде воспитательной функции сатирических изданий в перестройку и переключении их на развлекательную функцию.

Таким образом, сатирическая периодика кризисной эпохи выходила из-под контроля государства и перестраивалась на новые рельсы потребительской экономики. Визуальный язык и динамика тиражирования образов в перестройку свидетельствуют также и о перемене в восприятии обществом советской государственности. Прекращение тиражирования большинства привычных для советских сатирических изданий категорий образов указывает на низкую актуальность тем социалистической сатиры для дискурса периода перестройки. Визуальный язык кризисной эпохи становится более прямолинейным. Если в период застоя издания допускали критику лишь отдельных пороков и обезличенных «бюрократов», то ближе к концу перестройки художники-карикатуристы прямо критиковали социализм и советское государство.

Представляется допустимым экстраполировать полученные в результате исследования выводы на прочие, помимо перестройки, кризисные эпохи. Научную релевантность этого, однако, еще следует доказать в ходе будущих исследовательских изысканий.

Список источников

1. Шлосберг А.Н. Начало периодической печати в России : (историко-литературное исследование). СПб. : Сенат. тип., 1911. 75 с.
2. Стыкалин С.И. Советские сатирические журналы 1917–1919 годов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 120 с.
3. Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза. М.–Л. : Худож. лит., 1966. 300 с.
4. Ефимов Б.Е. Сатира в борьбе за мир. М. : Плакат, 1985. 175 с.
5. Мишуриис А.Л. Печать, рожденная Октябрем. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 72 с.
6. Турицын И.В. Власть и пресса в советской России : проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М. : Диалог-МГУ, 1998. 248, XXX с.
7. Иванова Р.А. Партийная и советская печать в годы второй пятилетки (1933-1937) : лекция. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 74 с.
8. Матвиенко С.С. Ведущие публицисты советской прессы в годы первой пятилетки (1928–1932) : учеб. пособие по курсу «История партийной и советской печати». М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 76 с.
9. Федосов Е.А. «Товаришу Перче!»: специфика визуальной сатиры Советской Украины в условиях холодной войны (1954–1964) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 149–155.
10. Романов А.Г. Комическое в современной российской прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 152–154.
11. Романов А.Г. Российская сатирическая журналистика: от советского прошлого к российскому настоящему // Современные исследования социальных проблем : (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-satiricheskaya-zhurnalistika-ot-sovetskogo-proshlogo-k-rossiyskomu-nastoyaschemu>
12. Задобрицкая О.Ф., Слободян М.М. Сатира и ее двусюжетная линия // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 3-2 (10). С. 15–17.
13. Киянская О.И., Фельдман Д.М. К истории советской сатирической печати 1930-х годов: журнал «Крокодил» // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 71–85.
14. Киянская О.И., Фельдман Д.М. «Мы, “Крокодил”...» власть и сатирическая печать в СССР в 1930-х годах // Россия XXI. 2014. № 5. С. 162–191.
15. Филиппова Т.А. «Враг с Востока»: образ японца в русской сатирической печати, 1904–1905 годы // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2010. № 3. С. 65–84.
16. Шевцова А.А., Гринько И.А. Иконография национальных конфликтов в советской сатирической печати (1980–1991 гг.) // Конфликтология / Nota Bene. 2016. № 3. С. 210–218.
17. Мойсинович А.М. Культура России в начале XX века : сатирическая печать. М. : Наука, 2015. 248 с.
18. Гаджиева Л.О. Влияние Первой русской революции на развитие сатирической печати на Кавказе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 135–141.
19. Загребельный А.В. Психолингвистическое значение слова «деньги» (на материале русской сатирической печати конца XIX – начала XX века) // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 13. С. 68–75.
20. Никулин И.О. О системном характере развития советской сатирической печати в 1920-е годы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 153–156.
21. Фантастика и сатира в литературе славянских народов : сб. ст. / отв. ред. Л.Н. Будагова. М. : Наука, 2004. 291 с.
22. Витвинчук В.В., Семилет Т.А., Сапаргалиева А.К. Особенности современной сатиры в сетевом интернет-пространстве // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 91–96.
23. Дегтярев А.А. Политическая сатира в современных российских СМИ: анализ состояния // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2018. № 15. С. 216–218.
24. Зверева Е.А. Медиаобразовательный потенциал сатиры в цифровой среде: высмеивание достоверности // Нефилология. 2022. № 32. С. 821–831.
25. Мейре А. Русские юмористические периодические издания Эстонии // Studia Slavica : сб. науч. тр. молодых филологов. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1999. Вып. I. С. 155–161.
26. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. / предисл. А. Беляева. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 662 с.
27. Левада Ю.А. Три «поколения перестройки» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 7–10.
28. Грушин Б.А. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 8–21.
29. Никулин А.М. Научное наследие Т.И. Заславской и советские идеолого-политические конфликты // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 116–139.
30. О печати и других средствах массовой информации : закон СССР от 12.06.1990 № 1552-I (прекратил действие) // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/14032> (дата обращения: 09.03.2025).
31. Шахалилов Ш. Историография идеологической работы Компартий Республик Средней Азии и Казахстана : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01. Ташкент, 1990. 52 с.
32. Кушкова А.Н. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. URL: <https://ruins.magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vospominaniya-o-prodovolstvennom-deficizite.html> (дата обращения: 26.08.2025).
33. Герасимов Н.В. История государственного регулирования проституции в России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 71. С. 172–182.

References

1. Shlosberg, A.N. (1911) *Nachalo periodicheskoy pechaty v Rossii: (istoriko-literaturnoe issledovanie)* [The Beginning of Periodicals in Russia: (A Historical-Literary Study)]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
2. Stykalin, S.I. (1971) *Sovetskie satiricheskie zhurnaly 1917–1919 godov* [Soviet Satirical Magazines of 1917–1919]. Moscow: Moscow University Press.
3. Ershov, L.F. (1966) *Sovetskaya satiricheskaya proza* [Soviet Satirical Prose]. Moscow–Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
4. Efimov, B.E. (1985) *Satira v bor'be za mir* [Satire in the Struggle for Peace]. Moscow: Plakat.
5. Mishuris, A.L. (1968) *Pechat', rozhdenная Oktyabrem* [The Press Born of October]. Moscow: Moscow University Press.
6. Turitsyn, I.V. (1998) *Vlast' i pressa v sovetskoj Rossii: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [Power and the Press in Soviet Russia: The Problem of Relationships and Mutual Influence in the 1920s]. Moscow: Dialog-MGU.
7. Ivanova, R.A. (1961) *Partiynaya i sovetskaya pechat' v gody vtoroy pyatiletki (1933–1937): lektsiya* [Party and Soviet Press during the Second Five-Year Plan (1933–1937): A Lecture]. Moscow: Moscow University Press.
8. Matvienko, S.S. (1977) *Vedushchie publitsisty sovetskoj pressy v gody pervoy pyatiletki (1928–1932)* [Leading Publicists of the Soviet Press during the First Five-Year Plan (1928–1932)]. Moscow: Moscow University Press.

9. Fedosov, E.A. (2021) "Comrade Pepper!": The specific of visual satire of the Soviet Ukraine in conditions of the Cold War (1954–1964). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 69. pp. 149–155. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/69/22
10. Romanov, A.G. (2013) Komicheskoe v sovremennoy rossiyskoy presse [The Comic in the Modern Russian Press]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1. pp. 152–154.
11. Romanov, A.G. (2013) Rossiyskaya satiricheskaya zhurnalistika: ot sovetskogo proshlogo k rossiyskomu nastoyashchemu [Russian Satirical Journalism: From the Soviet Past to the Russian Present]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3(23). p. 24.
12. Zadobrivskaya, O.F. & Slobodyan, M.M. (2013) Satira i ee dvusyuzhennaya liniya [Satire and Its Two-Plot Line]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 3-2(10). pp. 15–17.
13. Kiyanskaya, O.I. & Feldman, D.M. (2014) K istorii sovetskoj satiricheskoy pechati 1930-kh godov: zhurnal "Krokodil" [On the History of Soviet Satirical Press in the 1930s: The Magazine "Krokodil"]. *Vestnik RGGU. Seriya Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 12(134). pp. 71–85.
14. Kiyanskaya, O.I. & Feldman, D.M. (2014) "Мы, 'Krokodil'..." vlast' i satiricheskaya pechat' v SSSR v 1930-kh godakh ["We, 'Krokodil'..." Power and the Satirical Press in the USSR in the 1930s]. *Rossiya XXI*. 5. pp. 162–191.
15. Filippova, T.A. (2010) "Vrag s Vostoka": obraz yapontsa v russkoj satiricheskoy pechati, 1904–1905 gody ["Enemy from the East": The Image of the Japanese in the Russian Satirical Press, 1904–1905]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 3. pp. 65–84.
16. Shevtsova, A.A. & Grinko, I.A. (2016) Ikonografiya natsional'nykh konfliktov v sovetskoj satiricheskoy pechati (1980–1991 gg.) [Iconography of National Conflicts in the Soviet Satirical Press (1980–1991)]. *Konfliktologiya / Nota Bene*. 3. pp. 210–218.
17. Moysinovich, A.M. (2015) *Kul'tura Rossii v nachale XX veka: satiricheskaya pechat'* [Russian Culture at the Beginning of the 20th Century: Satirical Press]. Moscow: Nauka.
18. Gadzhieva, L.O. (2015) Vliyanie Pervoy russkoj revolyutsii na razvitiye satiricheskoy pechati na Kavkaze [The Influence of the First Russian Revolution on the Development of the Satirical Press in the Caucasus]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2. pp. 135–141.
19. Zagrebelnyy, A.V. (2014) Psikholingvisticheskoe znachenie slova "den'gi" (na materiale russkoj satiricheskoy pechati kontsa XIX – nachala XX veka) [The Psycholinguistic Meaning of the Word "Money" (Based on the Material of the Russian Satirical Press of the Late 19th – Early 20th Century)]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*. 13. pp. 68–75.
20. Nikulin, I.O. (2013) O sistemnom kharaktere razvitiya sovetskoj satiricheskoy pechati v 1920-e gody [On the Systemic Nature of the Development of the Soviet Satirical Press in the 1920s]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3. pp. 153–156.
21. Budagova, L.N. (ed.) (2004) *Fantastika i satira v literature slavyanskikh narodov* [Science Fiction and Satire in the Literature of the Slavic Peoples]. Moscow: Nauka.
22. Vitvichuk, V.V., Semilet, T.A. & Sapargalieva, A.K. (2019) Osobennosti sovremennoy satiry v setevom internet-prostranstve [Features of Modern Satire in the Online Internet Space]. *Filosofskie, sotsiologicheskie i psikhologo-pedagogicheskie problemy sovremenno go obrazovaniya*. 1. pp. 91–96.
23. Degtyarev, A.A. (2018) Politicheskaya satira v sovremennykh rossiyskikh SMI: analiz sostoyaniya [Political Satire in Modern Russian Media: An Analysis of the State]. *Trudy molodykh uchennykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 216–218.
24. Zvereva, E.A. (2022) Mediaobrazovatel'nyy potentsial satiry v tsifrovoy srede: vysmeivaniye dostovernosti [Media Educational Potential of Satire in the Digital Environment: Mocking Authenticity]. *Neofilologiya*. 32. pp. 821–831.
25. Meymre, A. (1999) Russkie yumoristicheskie periodicheskie izdaniya Estonii [Russian Humorous Periodicals of Estonia]. In: *Studia Slavica* [Studia Slavica]. Vol. I. Tallinn: TPÜ Kirjastus. pp. 155–161.
26. Yurchak, A.V. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Levada, Yu.A. (1995) Tri "pokoleniya perestroiki" [Three "Generations of Perestroika"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 7–10.
28. Grushin, B.A. (2004) Chetyre desyatiletiya izucheniya rossiyskogo obshchestvennogo mneniya [Four Decades of Studying Russian Public Opinion]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*. 6. pp. 8–21.
29. Nikulin, A.M. (2014) Nauchnoe nasledie. T.I. Zaslavskoy i sovetskie ideologo-politicheskie konflikty [The Scientific Legacy of T.I. Zaslavskaya and Soviet Ideological-Political Conflicts]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 3. pp. 116–139.
30. Muzej istorii rossiyskikh reform im. P.A. Stolypina. (1990) *O pechati i drugikh sredstvakh massovoy informatsii: zakon SSSR ot 12.06.1990 № 1552-I (prekratil deystvie)* [On Press and Other Mass Media: Law of the USSR of 12.06.1990 No. 1552-I (Ceased to be in Force)]. [Online] Available from: <http://museumreforms.ru/node/14032> (Accessed: 9th March 2025).
31. Shakhailov, Sh. (1990) *Istoriografiya ideologicheskoy raboty Kompartiy Respublik Sredney Azii i Kazakhstana* [Historiography of the Ideological Work of the Communist Parties of the Republics of Central Asia and Kazakhstan]. Abstract of History Dr. Diss. Tashkent.
32. Kushkova, A.N. (2009) Sovetskoe proshloe skvoz' vospominaniya o prodovol'stvennom defitsite [The Soviet Past Through Memories of Food Shortages]. *Neprikosnovenny zapas*. 2 [Online]. Available from: <https://ruins.magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vospominaniya-o-prodovol'stvennom-defitsite.html> (Accessed: 26th August 2025).
33. Gerasimov, N.V. (2009) Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya prostitutsii v Rossii [History of State Regulation of Prostitution in Russia]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 71. pp. 172–182.

Сведения об авторе:

Филонов Илья Денисович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Filonov Ilya D. – Postgraduate Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 25.10.2025; accepted for publication 21.01.2026